

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ СОМАТИЗМА ЯЗЫК В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Л.Б.Воробьева

SYMBOLIC MEANING OF THE SOMATISM TONGUE IN RUSSIAN AND LITHUANIAN PROVERBS

L.B.Vorob'eva

Псковский государственный университет, lina5558@yandex.ru

Статья посвящена вопросам анализа национально-культурной семантики и символики пословиц, включающих в свой состав соматический компонент *язык*. Широкая представленность соматизмов в составе пословиц в значительной степени обусловлена тем, что данная лексика входит в ядро основного состава словарного фонда языка. Анализ проводится в сопоставительном аспекте: анализируются пословицы русского и литовского языков.

Ключевые слова: *пословица, символ, соматический компонент, русский и литовский язык*

The article is devoted to the analysis of national and cultural semantic and symbolism of proverbs that include the somatic component *tongue*. Broad representation of somatisms in proverbs is mainly caused by their inclusion in the core vocabulary of a language. The analysis is performed in comparative aspect: Russian and Lithuanian proverbs are analyzed.

Keywords: *proverb, symbol, somatic component, the Russian language and the Lithuanian language*

В современной филологической науке одним из основных направлений является антропоцентризм. Принцип «человека в языке» в последнее время нашел отражение в работах Н.Ф.Алефиренко, В.М.Алпатова, Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, А.Вежицкой, Ю.Н.Караулова, В.А.Масловой и др. Кроме того, для лингвистики рубежа XX—XXI веков характерна тенденция рассматривать языковые единицы, в том числе фразеологизмы и пословицы, в рамках культурного знания, при этом особое внимание исследователей привлекает этнокультурный и фразеологический потенциал компонентов, наполнившихся в течение многолетнего функционирования символическим смыслом, закрепившемся в языковом сознании.

Устойчивые выражения с компонентами-соматизмами представляют интерес для сопоставительных лингвокультурологических исследований в связи с универсальностью единиц телесного кода, частотностью их употребления в различных речевых ситуациях. Пословицы с компонентами-соматизмами становятся объектом лингвистических исследований, особое внимание уделяется их лексикографической разработке [1].

Соматическая лексика активно функционирует в составе как русских, так и литовских пословиц, свидетельствуя о том, что образ человека телесного представляет собой один из наиболее значимых фрагментов русской и литовской паремиологической картины мира. Считается, что наиболее древним кодом культуры является соматический (телесный), поскольку человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя, считая себя частью окружающего мира, но в то же время стараясь отделить себя от него и сохранить свое личное пространство. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела [2].

В этой связи заслуживает внимания группа русских и литовских пословиц с компонентом-соматизмом *язык* (*liežuvis*). Язык (как орудие говоре-

ния) в устойчивых выражениях символизирует общение, передачу информации. Иногда выступает как виновник излишней болтливости, что достаточно продуктивно реализуется в русских пословицах: *Язык длинен у того, чьи доводы коротки; Язык мягок: что хочет, то и лопочет; Язык на веревку не привяжешь; Язык на замок не запрешь; Язык без костей — во все стороны ворочается; Длинный язык, да короткие мысли; Не ножа бойся, а языка; Язык мой — враг мой: прежде ума говорит; Волос долог, а язык длинней (у бабы); Мельница мелет — мука будет, язык мелет — беда будет; Два запора — губы да зубы, а языку удержу нет; Дай волю языку, скажет то, чего и не знает; Кто развязал язык, тот связан цепью бед; Всякая сорока от своего языка погибает*. Некоторые литовские пословицы с аналогичной отрицательной оценочностью построены на данной ассоциации: *Ant liežuvio galo visos nelaimės susėdo* /На кончик языка все беды осели/; *Už liežuvį — per liežuvį* /За язык — по языку/; *Asilas turi ilgą ausį, o tu — ilgą liežuvį* /У осла длинные уши, а у тебя — длинный язык/; *Geriau žmoną turėti su viena koja, bet be liežuvio* /Лучше жену иметь с одной ногой, но без языка/; *Ilgas liežuvis už svetimos tvoros užkliūva* /Длинный язык за чужой забор цепляется/. Болтливость пьяного человека характеризуется полными русско-литовскими паремиологическими эквивалентами: *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке — Kas blaiviam galvoj, tas girtam ant liežuvio*.

Только в русских пословицах с компонентом *язык* отражается лесть: *Тому великий стыд, кто языком льстит; Сладкий язык и змею из норы вытащит; Лезет с языком, что с пирогом*.

Семантика лицемерия раскрывается в пословицах двух сопоставляемых языков, хотя не очень активно: *На языке у врага мир, а на сердце война; На языке мед, а в сердце лед; На языке мед, а под языком лед; Медовый язык, да каменное сердце; Gyvatės liežuvį turėjo, nors aniuolu dėtis norėjo* /Имел змеиный

язык, хотя пытался прикинуться ангелом/; *Liežuvis angelo, o širdis velnio* /Язык ангельский, а сердце дьявола/; *Su kumščiu miša, su liežuvio glosto* /Кулаком бьет, языком гладит/. Во многих из перечисленных единиц содержится сема 'сладкий', характеризующая притворно-угодливые речи.

Всего лишь в одной русской пословице характеризуется клевета: *Клеветника на том свете за язык вешают*.

В достаточно большом количестве пословиц двух языков передается сила языка: *Язык камни рушит; Язык иглы острее; Язык дружину водит; Язык царствами ворочает; Язык везде достанет; Язык не имеет костей, но часто переламывает хребет другому; Мал язык, да всем телом владеет; Язык мал, а великим человеком ворочает; Liežuvis be peilio pjauja* /Язык без ножа режет/; *Liežuvis skaudesnis už botagą* /Язык бьет сильнее, чем хлыст/; *Bobos protas už plunksną lengvesnis, bet liežuvis už akmenį sunkesnis* /Бабий ум легче пера, но язык тяжелее камня/; *Liežuvis žmogų rakaria ir paleidžia* /Язык человека вешает и отпускает/.

Как известно, в пословицах всех языков отражены наиболее значимые для житейского сознания фрагменты картины мира. Одним из таких фрагментов является трудовая деятельность человека, его отношение к труду. Помимо образа рук, который выступает в качестве одного из ключевых образов в группе пословиц о труде, можно выделить и образный компонент язык: *Не спеши языком, торопись делом; Лодырь хочет прожить не трудом, а языком; Крестьянин не языком работает, а плугом; Языком не торопись, а делом не ленись; Языком мели, а руками не разводи; Языком-то берет, а к делу не льнет; Языком мастер, а делом левша; Города строят не языком, а рублем да топором; Языком и лаптя не сплетишь; В колхозе язык не в зачет: кто работает, тому почет; Daugiau girnom talk negu liežuvii* /Больше мели жерновами, чем языком/; *Liežuvii mala, kas darbo dirbt nemoja* /Языком мелет, кто работать не умеет/; *Be dalgio, su liežuvii šieno nepjausi* /Без косы языком сено косить не будешь/. Как видим, представление о ленте раскрывается через процесс болтовни, для чего и используется образ языка.

В русских пословицах язык часто противопоставляется рукам: *Языком болтай, а рукам воли не давай; Языком богу молись, а рукам работать не ленись; Языком мели, а руками не разводи; Иных язык способней рук кормит; Руки свяжут, язык не завяжут; Худо языку кричать, когда руки молчат; Умный — языком, глупый — руками*. В литовском языке мы тоже находим данную параллель в нескольких пословицах: *Liežuvii gali plakti, bet rankoms neduok valios* /Языком можешь молотить, но рукам воли не давай/; *Su liežuvii viską padaro, o su rankom nieko* /Языком все делает, а руками ничего/; *Vienas liežuvis gali daugiau blogo padaryti negu dvi rankos* /Один язык может сделать хуже, чем две руки/; *Duok liežuvii daugiau poilsio negu rankom* /Дай больше отдыха языку, чем рукам/.

Такие пословицы при лингвокультурологическом анализе могут быть объединены в особую группу. Наличие в их структуре двух различных соматических компо-

нентов позволяет уточнить особенности восприятия человеком собственного телесного облика, так как дает представление о сравнении и противопоставлении тех или иных признаков и функций частей тела. Например, пословицы с компонентами *язык* и *сердце* демонстрируют, как народное сознание интерпретирует связь органов речи и внутреннего состояния человека: *Язык держи, а сердце в кулак сожми; Чем сердце меньше, тем длиннее язык; Сердце глупца в его языке, язык умного в его сердце; Умный скрывает достоинства в сердце, глупый держит их на языке; Медовый язык, да каменное сердце; На языке у врага мир, а на сердце война; На языке мед, а в сердце лед; Širdis — ne liežuvis, ištraukęs neparodys* /Сердце — не язык, не вытащишь и не покажешь/.

В ряде пословиц закрепились связь языка с головой, т.е. разумом, интеллектом: *Язык лепечет, а голова не ведает; Язык болтает, а голова не знает; Язык повинен голове: пустой язык — пуста и голова; Востер язык, да дурной голове достался; Хочешь сберечь голову — языком не мели; Язык голову кормит; Мудра голова — короткий язык*. Негативная характеристика болтливого человека создается не только благодаря образу языка, но и с помощью таких глаголов, как *болтать, молоть, лепетать*. Первые два из них имеют пометы *разговорное* [3] и *просторечное* [4] соответственно, глагол *лепетать* имеет значение 'говорить неправильно, несвязно, неясно произнося слова (о детях)' [5]. Таким образом, данные нашего анализа подтверждают выводы А.Р.Поповой, которая отмечает, что наличие в структуре двух и более соматизмов является одной из черт соматической фразеологии и выражает, с одной стороны, осознание человеком во взаимосвязи частей собственного тела и, с другой стороны, важность дифференциации по внешним, функциональным и иным особенностям каждого конкретного органа [6].

Пословицы и поговорки с компонентом *язык* в русском и литовском языках достаточно часто базируются на сравнении: *Язык иглы острее; У него язык как бритва; Язык не лопатка: знает, что горько, что сладко; Язык не стрела, а пуще стрелы; Жало остро, а язык острее того; Лезет с языком, что с пирогом; Говоришь осторожно, язык — твоя крепость, болтаешь, как помело, язык — твоя беда; Острое слово с языка, что пуля срыгается; Bobų liežuviai — velnių skustuvai* /Бабы языки — чертовы бритвы/; *Su liežuvii būk atsargesnis kaip su skustuvu* /С языком будь осторожнее чем с бритвой/; *Mala liežuvii kaip malūno sparnais* /Мелет языком как крыльями мельницы/; *Liežuvis ne melnyčia: kiek nori suk, miltų nesumalsi* /Язык не мельница: сколько хочешь, крути, муку не получишь/; *Tavo liežuvis kaip karvės uodega* /Твой язык, как коровий хвост/; *Piktas liežuvis piktesnis už kalaviją* /Злой язык хуже меча/; *Gyvatė gelia skaudžiai, o pikto žmogaus liežuvis dar skaudžiau* /Змея жалит больно, а язык злого человека еще сильнее/. В этих паремиях язык сравнивается со стрелой, жалом, иглой, бритвой, мечом. В основе сравнительных ассоциаций лежат такие свойства данных предметов, как острота, колкость, способность причинить боль. При этом в большинстве случаев в пословицах актуализируется не мотив физической боли, а затрагивается внутренний мир человека.

Таким образом, анализ русских и литовских пословиц показал, что соматизм *язык* в их составе передает универсальную символику. Общим для двух народов является то, что язык для них — символ болтливости и лицемерия. Во многих пословицах двух языков подчеркивается сила языка. Специфическим для русского языкового сознания является восприятие языка как символа лести и клеветы, что также подтверждает паремиологический материал.

1. Никитина Т.Г. Семантика и прагматика пословицы в лексикографической интерпретации // Вестник Орловского университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический журнал. 2012. № 1 (21). С. 175-179. С. 177.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 233-235.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1981. С. 105.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1982. С. 293.
5. Там же. С. 175.

6. Попова А.Р. Об одной из особенностей соматической фразеологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 321-326. С. 325.

References

1. Nikitina T.G. Semantika i pragmatika poslovitsy v leksikograficheskoi interpretatsii [Semantics and pragmatics of a proverb in the lexicographical interpretation]. Vestnik Orlovskogo universiteta, seriia: Novye gumanitarnye issledovaniia, federal'nyi nauchno-prakticheskii zhurnal, 2012. no 1 (21), pp. 175-179, p. 177.
2. Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiia [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moscow, 2002, p. 233-235.
3. Evgen'eva A.P., ed. Slovar' russkogo iazyka: V 4-h t. [Russian dictionary, in four volumes]. Vol. I. Moscow, 1981, p. 105.
4. Evgen'eva A.P., ed. Slovar' russkogo iazyka: V 4-h t. [Russian dictionary, in four volumes]. Vol. II. Moscow, 1982, p. 293.
5. Ibid., p. 175.
6. Popova A.R. Ob odnoi iz osobennostei somaticheskoi frazeologii [On the specific of somatic phraseology]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo, 2009 no 6 (2), pp. 321-326, p. 325.